

«Дикий мы, темный, несчастный народ»

Михаил и Елена Булгаковы,
«Дневник Мастера и Маргариты».
М., «Вагриус», 2001.

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

Новые Известия. — 2002 — 9 июля — с. 7.

бы не забыть, как выглядит подлинный, а не мнимый враг, — это мулрый ход. Однако семь постановлений ЦК о творчестве Мастера не оставляют ни малейшего сомнения в том, что поединок не прекращался ни на минуту.

Вы скажете, что силы были заранее неравные, а игра без правил. Но в этом-то и суть смертельного поединка. Ставки с обеих сторон были сделаны открытые. Булгаков требовал и устно, и письменно, чтобы его либо напечатали, либо выпустили за границу. Сталин ни того, ни другого не обещал, а требовал от писателя новых произведений, написанных в новом духе. Проще говоря, Сталин хотел добиться от Булгакова того, чего не смог добиться от Горького, но получил от Алексея Толстого. Он хотел талантливой пьесы или повести о себе, любимом. И Булгаков решил сыграть в поддавки. Пьеса «Батум» о молодом Сталине была написана. Уже посыпались поздравления от разных официальных инстанций и заманчивые предложения о возможных постановках, как вдруг Сталин, разрешив-

ший «Дни Турбиных», запретил розовый «Батум». Нельзя не признать, что разрешения на постановку «Белой гвардии» и запрет на «Батум» были двумя гротескскими ходами диктатора, где Булгаков, конечно же, получил шах и мат.

Лесьта от гениального писателя вождю была не нужна. Он хотел получить искреннее прославление — искреннее по художественной силе. Но тут Булгакова талант подвел. Играть в поддавки, будучи гротескмейстером, не только трудно, но и невозможно. Сталин играл все время на своем политическом поле, безраздельно принадлежащем ему, а для Булгакова это поле было всегда чужое. Он проиграл. Пьесу не поставили, роман не напечатали. Печатание после смерти? Это Булгакова совершенно не устраивало. Он справедливо предполагал, что если удалось поставить в искореженном виде «Дни Турбиных», то и «Мастер и Маргарита» смогут пробить дорогу сквозь все запреты.

Вокруг все время арестовывали людей. Однажды арестовали человека, которого

ЦК приставил к Булгакову, как духовного дядьку-наставника. Когда же добрался до бесстрашного, несломленного, гениального Эрзмана, Булгаков тотчас ринулся писать письма в его защиту. Удивительная пара — Булгаков и Эрзман. Оба неразрывно связаны с театром, обним почти все пути на сцену перекрыты, оба открыто не признают советскую власть. Всех вокруг за такие вещи давно поубивали или посадили. Посадили и Эрзмана. Но он и изсылки вернулся несломленным. Когда в руководящих мозгах появилась идея написать песню о Берии, он, ни на минуту не задумавшись, пропел: «Цветок душистых прерий — Лаврентий Пальч Берий», — перепугав до смерти коллег по цеху. У Булгакова было постоянное предчувствие своей победы. Поэтому за победу он часто принимал ничего не значащие послабления: разрешение начать работу над какой-нибудь инсценировкой или даже приглашение на юбилейный вечер во МХАТ. Но мимо Сталина действительно не проскочишь. «Дни Турбиных» он приветствовал, потому что уже готовился вернуть золотые погоны, а для себя присмотрел мундир генералиссимуса. В этой игре ему понадобилась подобная пьеса, и он ее разрешил. А вот надежда на политический союз с Булгаковым не оправдалась. После смерти писателя на квартире раздался звонок из приемной Сталина. Чей-то голос спросил: «Правда ли, что писатель Булгаков умер?» Получив положительный ответ, на другом конце про-

вода молча бросили трубку. Даже соболезнования не выразили. А зачем лицемерить? Явно вздохнули с облегчением.

И Булгаков, и Елена Сергеевна готовили дневники, как бомбу времени, предназначенную потомкам. К сожалению, бомба не взорвалась. Уже поздно. Вся беда в том, что потомки не склонны воспринимать судьбу предков, как свою собственную. Интерес к сталинской эпохе в сегодняшней России угас. Возможно, что главная, непрерывная история существует только в мозгах историков. На самом деле каждое поколение живет своей обособленной жизнью и резко дистанцируется от всех предыдущих.

Внутри сталинской эпохи Булгаков не был своим. Но и в будущее время переселиться никому не дано. Эпоха Булгакова закончилась в 1917-м. Культ настоящего или будущего явно не для него. Он не футурист, а скорее всего, перфектист, самый яркий и гениальный антипод Маяковского. Когда Маяковский и Булгаков играли на бильярде, это напоминало холодную гражданскую войну. В исторической перспективе партию выиграл Булгаков, но кому сегодня нужна историческая перспектива? И светлое будущее, и не менее светлое прошлое все равно надоело. «Маэстро, урежь марш!» И оркестр не сыграл, а именно, по мерзкому выражению Коровьева, урезал новый старый сталинский гимн. «Дикий мы, темный, несчастный народ», — написал Булгаков в своих записках.